

СОВЕТСКИЙ ОПЫТ ОСВОЕНИЯ АЗИАТСКОЙ РОССИИ: ВЗГЛЯД С ЗАПАДА

Не вызывает сомнений, что эффективность общественного производства во многом зависит от размещения производительных сил на территории страны. Для Советского Союза с его громадной территорией, разнообразными природными, горно-геологическими, климатическими условиями территориальные аспекты промышленного производства играли важную роль и оказывали существенное влияние на результаты экономического развития страны. Представляет интерес изучение данной проблемы зарубежными учеными. В определенной степени западные оценки процессов освоения Урала, Сибири, Дальнего Востока и их влияния на торгово-экономические связи подвергались анализу в работах В.В. Алексеева, К.И. Зубкова, К.В. Ломакина, В.В. Широгорова, В.П. Тимошенко [1]. Необходимость рационального размещения производительных сил для советской ситуации фиксировали все специалисты. Исследователями крайне тщательно изучалась советская политика промышленного освоения восточных районов страны. Они отмечали, что в «желании Советов заполнить свои азиатские владения людьми, экономическим потенциалом и военно-политической властью отчетливо прослеживается преемственность с предшествующими эпохами продвижения России на Восток» [2].

Зарубежные исследователи подчеркивали ведущую роль государства в освоении Востока России как до революции, так и в советское время. Г.-Г. Хёман писал, что отставание в развитии этого региона «преодолевалось с помощью инструментов административного управления экономикой». Экономгеограф Г.-Ю. Вагенер из мюнхенского института Восточноевропейских исследований отмечал, что «план освоения и заселения Сибири появился еще в досоветское время. Он был взят советским правительством и достаточно сильно форсирован». Вместе с тем, ученые подчеркивали, что до революции «основной капитал Сибири был очень мал», «лишь Транссиб являлся важнейшим вкладом в образование инфраструктурного капитала» [3]. Подчеркивалось то обстоятельство, что удельный вес Сибири в общероссийском промышленном производстве до 1917 г. был ничтожным и никогда не превышал 1,5%, в советскую же эпоху Сибирь играла важную роль в экономике страны. Здесь производилось более 11 процентов валового общественного продукта страны, около 12 процентов национального дохода. Эти факты иллюстрировали тенденцию ускоренного наращивания экономического потенциала восточных районов России.

В связи с этим возникал вопрос о периодизации процесса промышленного освоения природных богатств восточных районов страны. Следует отметить, что существовали различные подходы к периодизации у авторов публицистических работ, рассчитанных на массовую аудиторию, и у серьезных исследователей. Журналисты, как правило, утверждали, что начало индустриального освоения региона относилось к середине пятидесятых годов. В частности, Гуго Портш писал, что, «собственно говоря, новое открытие Сибири началось только между

1950 и 1955 годами» [4]. Редактор западногерманского еженедельника «Шпигель» Вернер Мейер-Ларсен датировал начало политики освоения новых территорий 1960 годом. В этих оценках не учитывался тридцатилетний период интенсивного развития этого региона, а Сибирь конца двадцатых — начала пятидесятых годов оценивалась лишь как место ссылки «армии заключенных с помощью которых государство пыталось «начать индустриализацию Сибири но потерпело крах своих замыслов».

Исследователи, профессионально занимающиеся изучением проблем развития Азиатской России, отмечали, что «индустриализация восточных областей энергично началась с принятия первых пятилетних планов», а именно — с сооружения Урало-Кузнецкого комбината — «ключевого проекта первого пятилетнего плана» [5]. Данный подход совпадает с оценками, выработанными отечественными экономистами и историками. Исследователи рассматривали процесс развития восточных районов как процесс смены нескольких моделей освоения. По их мнению, Урало-Кузнецкий комбинат являлся воплощением в жизнь модели «регионального комбината», ориентированной на добычу сырья. Остановимся на этом вопросе более подробно. А. Каргер и К. Либманн считали строительство Урало-Кузнецкого комбината «импровизацией гигантского масштаба». Подобную оценку они мотивировали ссылкой на постановление ЦК ВКП(б) о работе Уралмета, в котором подчеркивалось, что «индустриализация страны не может опираться на одну кожную угольно-металлургическую базу»: «Жизненно необходимым условием быстрой индустриализации страны является создание на Востоке второго основного угольно-металлургического центра СССР путем использования богатейших угольных рудных месторождений Урала и Сибири». Дело в том, что это постановление было принято лишь в мае 1930 г., когда строительство шло уже полным ходом.

Вместе с тем, западные исследователи считали, что характерной особенностью модели «регионального комбината», как и для развития Советского Союза в целом в период с тридцатых до середины пятидесятых годов, являлось применение принудительной рабочей силы [6]. Сложность данной проблематики состоит в том, что она до сих пор не поддается сбалансированному рассмотрению, во-первых, из-за отсутствия или недостаточного количества данных. Во-вторых, в силу того, что в СССР в угоду политической конъюнктуре отрицался тоталитарный характер политической и экономической системы в стране. Поэтому чем настоятельнее советские авторы в своих работах подвергали критике выводы западных экономистов о том, что «применение принудительного труда было одним из самых мрачных проявлений сталинизма», тем жестче и однозначнее становились оценки оппонентов. Поэтому большинство авторов считало, что успешное экономическое развитие восточных районов России в тридцатые — пятидесятые годы стало возможным в преобладающей степени из-за использования принудительного труда.

Применение модели «регионального комбината» для освоения Азиатской России было прервано второй мировой войной. Война дала серьезный импульс дальнейшей индустриализации этого обширного региона посредством перевода и эвакуации промышленных предприятий из западных областей страны на Восток, изменила промышленную структуру, особенно в связи с передислокацией машиностроительных предприятий на Урал и в Западную Сибирь. Такую точку зрения

деляли практически все исследователи. В то же время они подчеркивали не-
должительный и противоречивый характер этого импульса. Перемещение части
производственного аппарата промышленности и строительства, транспорта из
европейских районов в азиатские привело к увеличению в них этого аппарата, а
это обусловило повышение удельного веса Азиатской России в промышленном
производстве страны. В целом в течение военных лет на долю восточных районов
приходилось более половины всех капиталовложений, направленных в народное
хозяйство СССР. На Урале и в Сибири значительно усилилась производственная
базиса промышленности, в первую очередь машиностроения. Сложились ряд крупных
центров машиностроения и металлообработки (Челябинск, Свердловск, Новоси-
бирск, Омск), возникла никелевая и алюминиевая промышленность. Однако во
время войны значительно уменьшился общий объем продукции гражданских от-
раслей промышленности этого региона. В частности, на 43,4% сократилось про-
изводство строительных материалов, почти на одну треть уменьшилась продукция
перерабатывающей и пищевой промышленности, а продукция лесной — на
5%. Война отрицательно повлияла на развитие местной промышленности, на
состояние всех видов транспорта.

После войны, отмечал Г.-О. Граматски, в экономическом развитии восточных
районов России наступил период «относительной стагнации», связанный с пер-
воочередным восстановлением разрушенных войной западных районов страны [7].
Это и привело к падению промышленного производства в данном регионе.

Переход к новой модели освоения восточных районов России зарубежные
исследователи относили к середине 50-х гг. По их мнению, в ее основу были
положены принципы добровольности при формировании рабочих коллективов,
широкое использование материальных и моральных стимулов для привлечения
молодежи в районы нового промышленного освоения. Символом этой модели
стало строительство Братской ГЭС. А. Каргер отмечал, что «возможность со-
считать большое количество рабочей силы, технические и финансовые средства
относительно быстро в одном месте является свойством авторитарной системы»,
и применять его было сложнее, чем в тридцатые годы [8].

Логическим продолжением идеи «регионального комбината» стала концеп-
ция формирования территориально-промышленных комплексов в районах нового
промышленного освоения. Зарубежные эксперты находили, что проекты созда-
ния многочисленных ТПК в восточных районах имели тесные связи с моделями,
разрабатывавшимися советскими экономистами в двадцатых и тридцатых годах.
Они исходили из взглядов Н. Колосовского: «Необходимо переходить от ло-
кальных комбинатов на комбинирование технологических процессов в масштабе
крупных районов. Этот переход предполагает более равномерное, но не произволь-
ное распределение производств по территории. Это такая внутренне связанная
система, которая дает наибольший эффект при использовании сырья, энергии,
транспорта во всех его видах, трудовых ресурсов и оборудования» [9].

Н. Вайн в связи с этим замечал, что «концепция ТПК была разработана
главным образом для индустриализации азиатской части страны, показала прак-
тическую применимость». В работе «Актуальная стратегия освоения Сибири» он
рассматривал концепцию ТПК как предусматривающую строительство новых

индустриальных комплексов лишь в тех областях, которые по множеству критериев (ресурсы, энергетический потенциал, пути сообщения, продовольственная и т.д.) признаны наиболее благоприятными для освоения. Исследователь выявлял приоритетность положения территориально-промышленных комплексов в привлечении капиталовложений. Планы создания многочисленных ТПК в восточных районах РСФСР свидетельствовали о том, что эта огромная территория заняла первое место среди развивающихся регионов Советского Союза [10].

Высоко оценивая идеи комплексного освоения восточных районов России, зарубежные исследователи обращали внимание на трудности практического осуществления этих идей. Прежде всего, территориально-промышленные комплексы не получили четкого юридического и экономического статуса, проблемы усугублялись в тех случаях, когда ТПК располагались на территории нескольких областей (например, Западносибирский нефтегазовый комплекс). Они не в состоянии противостоять диктату ведомств. Г. Клемент отмечал: «Хотя долгое время стремились к комплексному освоению Сибири, фактически осуществляли стратегическое развитие, концентрирующуюся, за исключением Юга Западной Сибири, на нескольких видах сырья» [11]. Такая тенденция сложилась потому, что министерства и ведомства избегали затрат по созданию производственной и социальной инфраструктуры, по привлечению и закреплению рабочей силы. Огромные народнохозяйственные издержки, возникавшие при передаче на многие тысячи километров топлива и сырья, перекладывались на плечи всего народного хозяйства.

Большое внимание зарубежные авторы уделяли проблемам гидроэнергетического строительства на Ангаре и Енисее. Объяснялся этот интерес тем, что «Братск и зона его функционального влияния считаются моделью современного освоения Сибири, без которой невозможно понять будущего экономического развития всего региона» [12]. Г.-О. Граматцки отмечал: «Частично эти электростанции представляют собой ядро вновь создаваемых комплексов, как в Братске, частично — базу образования комплекса в относительно хороших военных районах, с развитой (для Восточной Сибири) инфраструктурой и удобным расположением природных ресурсов, как в Саяногорске». И далее: «Осуществление Ангаро-Енисейского проекта дало особенно сильный толчок для развития Красноярского края и Иркутской области» [13].

Очень тщательно исследователи изучали издержки, возникшие при формировании Братско-Усть-Илимского ТПК: не удалось создать целостный комплекс взаимосвязанных производств, преодолеть ведомственную разобщенность, отставание в развитии строительной индустрии, «остаточный принцип» формирования социальной инфраструктуры и т. д. И эти «ошибки Братска», подчеркивали авторы, тиражировались по существу на каждой стройке в зонах нового промышленного освоения. Такая ситуация, по мнению У. Шиллера, связана с особенностями реальной политики освоения восточных районов России, содержанием которой было усиленное внимание производственному сектору и недооценка влияния социальных аспектов региональной политики [14].

Исследователи часто сравнивали советскую политику освоения Востока России и решение подобных проблем на Севере Канады. Подобный анализ проводил, например, В. Гумпель, рассматривая два альтернативных варианта:

комплексное освоение и заселение новых территорий, либо моноиндустриальное освоение, развитие исключительно добывающих отраслей при привлечении минимального количества рабочей силы. Автор определял Советский Союз как образец первого варианта решения данной проблемы, а Канаду — второго. Решающая роль в развитии районов с экстремальным климатом и в той, и в другой стране принадлежала государству; частные кампании Канады не в состоянии были решать проблемы такого масштаба. Анализируя политику освоения, автор верно подметил ее слабые стороны: технологическое отставание (не в последнюю очередь из-за изоляции от мирового рынка, недостаток техники «в северном исполнении», тенденции к автаркии у каждого отдельного района освоения, слабое развитие социальной инфраструктуры. Самой сильной стороной канадских методов освоения, по мнению В. Гумпеля, являлось наличие «большого количества культурных, церковных и спортивных сооружений, которые дают разрядку северным рабочим». Оценивая в целом советскую стратегию освоения, он пришел к следующему выводу: «Чем раньше экономический разум одержит верх над политическими доктринами, тем быстрее и в СССР «комплексное освоение» будет заменяться моноиндустриальным» [15]. Опираясь на этот вывод, многие исследователи увидели в широком применении с середины семидесятых годов вахтово-экспедиционного метода организации работ отказ от существенных элементов концепции комплексного освоения восточных районов страны.

Необходимость дифференцированного подхода к различным регионам Азиатской России, особенно к северной ее части, обозначилась уже к концу 70-х годов. Север осваивался прежде всего для получения ресурсов, которые невозможно было добыть в других районах. Но условия жизни на Севере чрезвычайно сложны, поэтому необходимы были меры по ограничению численности привлекаемой рабочей силы. Зарубежные исследователи видели в использовании вахтового метода стремление к экономии капиталовложений и уменьшению текучести кадров, повышению производительности труда рабочих [16]. К сожалению, опыт применения вахтового метода в условиях Западносибирского нефтегазового комплекса, где по этому методу работало около ста пятидесяти тысяч буровиков, эксплуатационников, строителей, свидетельствует о неумелом его использовании. При освоении Тюменского Севера упор был сделан на развитие межрегионального вахтово-эксплуатационного метода. Постоянная адаптация и реадаптация приводили к быстрому изнашиванию организма и потере здоровья. Эти потери уменьшал внутрирегиональный вахтово-экспедиционный метод за счет организации переездов вдоль меридиана и доставки вахтовиков поездами с постепенной акклиматизацией людей в пути. Однако внутрирегиональный метод не получил широкого применения.

Практики отмечали, что производительность труда у вахтовиков в среднем заметно ниже, чем у стационарных рабочих, они не имели постоянного рабочего места, «своего» оборудования. Двенадцатичасовой труд без выходных способствовал повышенной утомляемости рабочих, а это приводило к браку, авариям, производственным травмам. Переезд на Тюменский Север части управленцев и членов их семей поставил под сомнение главные преимущества метода: мобильность и минимальные затраты на социальную сферу. Все эти провалы не означают порочнос-

ти самого вахтово-экспедиционного метода. Причина подобной ситуации — в бюрократизме, невнимании к человеку, отсутствии оптимальных режимов работы и отдыха вахтовых коллективов. По оценке Норберта Вайна, «несмотря на трудности вахтовый метод остается важнейшей стратегией освоения Севера» [17].

Зарубежные исследователи позитивно оценивали идею дифференцированного подхода к вопросам промышленного развития восточных районов. Й. Шпидельбауэр, например, видел в нем основу современной модели развития обширного региона, исходящей из идеи зонального размещения отраслей с ступенчатой интенсивностью освоения. Он считал необходимым отказаться от идеи возможно более широкого освоения территории. В последние два советских десятилетия происходил процесс разделения производственных функций внутри региона. Создавались «тыловые базы» в областях, близких к районам нового промышленного освоения. Ими становились крупные города с их мощным промышленным потенциалом [18]. Одним из побудительных мотивов такой модели освоения восточных районов России было желание равномерного размещения промышленности по территории страны. Акцент делался на вовлечение местных ресурсов в хозяйственный оборот, на стремление продублировать в каждом экономическом районе возможно более широкий набор отраслей, обезопасить тем самым государство в случае войны. Проблемы экономической эффективности отодвигались на задний план. Курс на углубленную специализацию районов нового промышленного освоения, взятый в середине пятидесятых годов, логично привел к идее зонального районирования.

В работах, опубликованных в последние годы, подчеркивается, что после 1985 г. в Советском Союзе происходил серьезный пересмотр региональной политики, изменение приоритетности отдельных районов. Отмечается, что в условиях перестройки осуществлялся отказ от многих крупномасштабных проектов, осуществление которых было запланировано в Сибири и на Дальнем Востоке. По мнению Норберта Вайна, трудности и расходы по развитию региона оказались не по силам государству, поэтому восточные районы России должны были уступить приоритет в региональном развитии европейской части страны. А имеющийся здесь научный потенциал следует направить на разработку стратегии крупномасштабного освоения Ближнего и Крайнего Севера, «имеющей наибольшие перспективы для человечества».

Западные специалисты подчеркивали закрытый, автаркичный характер экономики восточных районов России. Как отмечал Курт Шписс, наиболее типичным в этом плане советский Дальний Восток. На примере этого региона (1897–1970) он доказывал, что, «несмотря на географическую ориентацию в бассейне Тихого океана, экономика Дальнего Востока всегда отличалась направленностью на удовлетворение потребностей русского центра». Причину подобной ситуации К. Шписс видел во внешнеполитической обстановке. Дальний Восток всегда был в фокусе межгосударственных противоречий, поэтому «всегда, когда возникало внешнее напряжение, возрастал интерес центра в экономическом развитии и усилении периферии» [19]. Однако это приводило к усилению оборонного сектора промышленности и ослаблению внимания к социальной сфере. Изменить сложившуюся ориентацию можно лишь путем нормализации полит

ких отношений со странами азиатско-тихоокеанского региона, прежде всего Японией. Этот шаг отвечает прежде всего интересам комплексного и сбалансированного развития советского Дальнего Востока.

Анализ работ зарубежных исследователей свидетельствует об их пристальном внимании к вопросам индустриального развития Востока России. Тщательно изучался исторический опыт освоения этого региона, в том числе и концептуальные основы осуществления ряда крупных народнохозяйственных программ на Востоке нашей страны, их конкретное воплощение в жизнь. В работах, как правило, высоко оценивались теоретические и методические разработки советских ученых, легшие в основу политики ускоренного освоения, в особенности концепции создания региональных комбинатов и территориально-производственных комплексов.

Отсутствие юридического и экономического механизма реализации этих идей, технократический подход к осуществлению большинства проектов привели к появлению отрицательных последствий в социальной сфере, а также вызвали под сомнение всю политику комплексного развития восточных районов СССР. Бросалось в глаза сильное воздействие внешних политических факторов на выбор приоритетов в осуществлении целевых программ, стремление к авантюризму, оказавшееся не по силам государству.

Однако масштабные сибирские проекты привлекали пристальное внимание деловых кругов и общественности зарубежных стран в части возможного посредственного участия в их реализации.

Нарастание темпов освоения богатейших ресурсов Азиатской России и подожженная решимость советского руководства использовать в этом возможностигово-экономического сотрудничества с зарубежными фирмами получили широкий отклик на Западе. Конечно, причиной выдвижения крупных программ освоения восточных районов были потребности динамичного развития советской экономики. Преимущества участия в международном разделении труда в реализации планов были очевидны. И стратегия освоения региона в известной степени опиралась на извлечение выгод от расширения взаимодействия с мировым рынком.

Обсуждение советских предложений, в которое включились политики и бизнесмены, средства массовой информации и солидные исследовательские учреждения, касалось всего спектра проблем возможного сотрудничества. С самого начала сугубо хозяйственные вопросы взаимодействия в разработке сибирских мероприятий рассматривались через призму концепции соревнования двух общественно-политических систем. Политические и стратегические следствия предоставления кредитов под освоение Востока России интересовали на Западе в первую очередь. Советские предложения как бы взвешивались на весах сложившейся системы политических и экономических отношений, так как они затрагивали глобальные проблемы конфронтации. Не следует забывать, что первые шаги к сотрудничеству были сделаны в разгар «холодной войны». Интерес же деловых кругов к программам разработок сибирских ресурсов был достаточно высоким.

После посещения в 1959 г. Японии советской хозяйственной делегацией и обсуждения условий торговли и кредитования сибирских проектов газета «Хоккайдо симбцы», отражая мнение деловых кругов, писала: «Если Япония, учи-

тывая колоссальные планы Советского Союза по развитию Сибири, суметь резко увеличить торговлю с СССР, то она сможет сломать стену, препятствующую увеличению японского экспорта и ликвидировать зависимость от односторонней торговли с США» [20]. Но облечь в конкретные договоренности заинтересованность в сотрудничестве оказалось непросто.

Осторожность в оценке выгодности участия в сибирских проектах вызывалась рядом причин. Во-первых, особенности советской модели освоения, вытекающие из накопленного в предшествующие годы опыта, требовали значительных затрат финансовых и материальных ресурсов, тогда как предлагались простейшие формы сотрудничества, ограничивающие эффект иностранного участия. Во-вторых, у возможных партнеров не было полной ясности целей освоения огромного региона, а в условиях политической конфронтации они склонялись к выделению приоритета их стратегических аспектов. В-третьих, масштабность и беспрецедентность замыслов индустриального развития при относительной ограниченности материальной базы в сочетании с обещаниями скорого эффекта рождали сомнения в реальности планов. В деловых кругах Запада складывалось убеждение в безвыходности положения советского руководства, взявшегося за решение малообъяснимой задачи: без западного капитала с планами освоения не справиться, и не справиться и с сохранением темпов развития советского хозяйства. Внутренние трудности рассматривались в качестве основных мотивов изменения политики внешнеэкономического взаимодействия.

Х. Маховски, рассматривая эту ситуацию заинтересованного выжидания, считает, что под давлением экономических трудностей в 60—70-е гг. СССР «очень чутко отказывается от принципа автаркии и начинает осуществлять стратегию экономического роста, ориентированную на экспорт» [21]. От внимания зарубежных предпринимателей не ускользнуло изменение внешнеэкономической политики советского государства. Характерной чертой этой политики был учет производством специфических потребностей мирового рынка, стремление добиваться умеренного повышения рентабельности экспорта и тем самым в максимальной степени содействовать экономическому росту. В новых условиях импорт рассматривался как инструмент реализации экономической стратегии, заложенной в государственном плане, в то время как раньше он использовался прежде всего для ликвидации дефицита продукции, возникавшего при невыполнении плановых заданий. Это обнадеживало возможных партнеров, как бы гарантировало от политически мотивированного одностороннего ограничения сотрудничества. В советской истории примеров непоследовательного поведения советской стороны с зарубежными фирмами не так уж мало, и потому осторожность предпринимателей в обсуждении предложений по сотрудничеству продиктована опытом истории.

Не в полной мере западных предпринимателей устраивали принципы организации сотрудничества в освоении Азиатской России. Стремление взаимодействовать непосредственно с производителями наталкивалось на внешнеторговую монополию. Министр по делам торговли Великобритании господин Ф. Дж. Роул в конце 1959 г. так обозначил сдерживающий эффект этого фактора: «В вопросах торговли слова и дела правительств значат гораздо меньше, чем слова и дела коммерсантов... Правительственные переговоры могут иметь своим

договором торговые соглашения, но именно коммерсанты решают вопрос, быть ли торговле... Добросовестные и постоянные усилия, прилагаемые коммерсантами с обеих сторон к лучшему ознакомлению с рынками друг друга всегда будут иметь самое первостепенное значение» [22]. Сохранение жесткого централизованного управления внешней торговлей, несмотря на изменение отношения к ней, вызывало опасения, что на первом плане у советского руководства все-прежнему находятся внешнеполитические цели.

Все указанные соображения оказывали влияние на формирование позиций бизнесменов. Значительное число отзывов, появившихся в изданиях деловых кругов Запада, содержали в себе элемент прогнозирования провалов затеянных в СССР программ освоения, но и в то же время проскальзывала заинтересованность в участии. В известных изданиях, отражающих настроения в деловых кругах, появились противоречивые оценки — с одной стороны, планы освоения «нереальны», «обречены на провал», «сомнительные», с другой — они представляют собой «сибирское чудо», «грандиозные проекты советских плановиков».

Довольно рельефно стремление зарубежных партнеров взвесить возможные выгоды и издержки участия в сибирских проектах проявилось во время поездки японских предпринимателей по Сибири и Дальнему Востоку в августе 1962 г. Им была предоставлена самая широкая возможность ознакомиться с объектами освоения с последующим обсуждением вариантов взаимодействия в Хабаровске, Иркутске, Новосибирске. Результаты оказались более скромными, чем ожидалось. По итогам поездки глава делегации Иосикари Каван сказал: «В Сибири мы познакомились с грандиозными стройками, увидели ее огромные богатства, широту научно-исследовательских работ и самое главное — очень хороший трудолюбивый народ. Известно высказывание: «пришел, увидел, победил». Говоря о Сибири, мне хотелось бы его несколько видоизменить: «увидел, понял, покажи в деле свое отношение к тому, что увидел» [23]. Действительно, масштабы выводов, после близкого знакомства с регионом, для многих принявших предложение зарубежных предпринимателей были ошеломляющими.

Столь же осторожными на первых порах были экспертные оценки специалистов, отрицавших осуществимость проектов освоения в предложенных советской стороной вариантах. Большинство западных экспертов было убеждено в пропагандистском характере приглашений к сотрудничеству. Политолог Д. Фишер, рассматривая проекты освоения, ставит вопрос: имеются ли достаточные ресурсы и нужное количество рабочей силы, чтобы справиться с планами освоения? И приходит к выводу, что совокупность проектов — строительство нефте- и газопроводов, железных дорог, создание новых производств — осуществима лишь с применением современного высокопроизводительного оборудования. Реалистично оценивая ситуацию 60-х гг., Д. Фишер утверждает: «Проекты дальнейшей индустриализации, заселения Сибири и Советского Дальнего Востока являются задачами, где решение во многом зависит от инициативы русских, от их готовности применить для этого собственные силы» [24]. Эксперты указывали на необходимость крупных затрат на социальные расходы и неготовность советского руководства их осуществить в Сибири. Проблема рабочей силы, ее трудноразрешимость ставили под сомнение, в глазах

западных специалистов, выгодность зарубежного участия. Провалившиеся планы, полагали они, обернутся для западных кредиторов большими издержками.

Действительно, программы освоения Азиатской России не могли оказывать никакого воздействия: ведь предстояло втянуть в ритм современных экономических отношений огромный регион, практически не обжитый, не имеющий достаточной социальной и производственной инфраструктуры. «Из «мертвого дома» писал свои записки Достоевский, — замечал, оценивая планы освоения А. Вайнгертнер, — теперь же Сибирь должна превратиться в процветающий индустриальный край» [25]. Труднодоступность природных богатств региона считалась решающим фактором обращения советской стороны к западной помощи после десятилетий абсолютной «закрытости» Сибири для иностранного капитала. После свертывания концессионной политики 20-х гг. в освоении региона делался упор на собственные возможности. И теперь предложения о сотрудничестве западными наблюдателями воспринимались как вынужденные и недолгосрочные. А. Вайнгертнер намерения использовать зарубежную финансовую и материальную поддержку квалифицировал как сомнительные: «Советы привлекают Запад дополнительными рабочими местами через участие в сибирской авантюре и утверждают, что большая часть «сибирского долга» будет покрыта поставками сырья, а позднее продукцией индустрии».

В деловых кругах Запада складывалось достаточно сдержанное отношение к предполагаемому сотрудничеству. Даже потребность в сырье и энергоносителях, поддерживающая интерес предпринимателей к освоению Азиатской России, не могла, в силу многих обстоятельств, перевесить сомнения. Лишь в единичных случаях убеждение в выгодности партнерства в предложенном варианте: предоставление кредитов и в их счет необходимого оборудования и материалов, — вызывало ответные движения. В. Конолли недвусмысленно отмечала, что в освоении Сибири и Дальнего Востока могут произойти кардинальные сдвиги при крупной финансовой и технической поддержке Запада [26]. Такая оценка свидетельствует о понимании значения сотрудничества и серьезности намерений советского руководства считаться с интересами партнеров.

Заинтересованность в иностранных инвестициях проявилась в двух сферах освоения: 1) создании экспортных производств в отраслях добывающей и обрабатывающей промышленности; 2) транспортном обеспечении программ освоения. Приоритеты этих позиций связывались с предпочтительностью использования временной зарубежной технологии в процессе создания индустриальных комплексов и с возможностью быстрых расчетов на принципах компенсации с кредиторами. Минеральные богатства выступали в качестве гарантии платежеспособности. «Для предоставления в Японию и другие страны с бедными ресурсами земных ископаемых Сибири, — писал М. Кларк, — помогут Москве заработать иностранную валюту, которая необходима для оплаты технологического развития» [27].

В течение 60-х гг. шел процесс медленного втягивания западных фирм в сотрудничество по разработке месторождений сырья и энергоносителей, а также освоению лесных ресурсов. Это сотрудничество, хотя и в малых объемах, означало решение проблем транспортировки экспортных грузов до потребителей. Интересы партнеров фокусировались на программах освоения месторождений

сти и строительства нефте- и газопроводов. С меньшей заинтересованностью принимались предложения по участию в создании современных производств в обрабатывающей промышленности. Позднее Ф. Хансон будет утверждать, что западные монополии не отдавали себе отчет, насколько выгодно вести совместную переработку сибирского сырья. Он приводит в доказательство несколько аргументов: 1) гарантированный сбыт продукции (в 1955 г. советский импорт машин оставал 2% от капиталовложений в машиностроение, в 1975 г. — 5%, а могло быть значительно больше); 2) в 1960—1974 гг. производительность техники, импортированной с Запада, в 8—14 раз превышала производительность советского оборудования, а, значит, складывались условия для сбыта устаревающей техники, неконкурентоспособной на мировом рынке; 3) импортная технология в 60—70-е гг. концентрировалась в отраслях, ведущих в сибирской индустрии — химии, лесной и целлюлозно-бумажной промышленности, нефтепереработке, что на длительную перспективу открывало Западу российский рынок [28]. Нельзя не согласиться с этими замечаниями. Техническая отсталость отечественного машиностроения приводила к импорту далеко не лучших образцов техники, но и они выгодно отличались от отечественной продукции. По данным Н.П. Шмелева импортное комплектное оборудование в 70-х гг. использовалось при сооружении более 3 тыс. крупных промышленных объектов (в химической, целлюлозно-бумажной промышленности, на транспорте, в металлургии). В 1968—1972 гг. Советский Союз для сибирских проектов закупил на 6,7 млрд долларов машин, оборудования, «ноу-хау», в 1979 г. — уже на 12,3 млрд долларов.

Факты крупномасштабных закупок машин и оборудования вызвали действие еще одного фактора, обусловившего настороженное отношение к сотрудничеству на Западе усматривали в этом одностороннее извлечение выгод советской стороной. Считалось, что таким образом Советский Союз получает возможность осваивать необжитый регион с минимальными издержками, закупая в порядке компенсации передовую технику и технологию. Это стремление М. Голдмэн, например, выводит из исторической традиции технологической отсталости России. Он писал: «...Русские традиционно до революции обращались к Западу за помощью. Петр Великий был одним из первых, Иван Грозный до некоторой степени делал то же самое; и, конечно, Сталин был самым последним примером феномена такого рода». Подобная ситуация, по мнению М. Голдмэна, сложилась и к началу 70-х гг. Будущее освоение Азиатской России многие на Западе оценивали в связи с возможностями доступа СССР к зарубежной технологии. Р. Кэмпбелл считал, что при освоении восточных районов Советский Союз сталкивается с совершенно новыми «технологическими вызовами», что необходимость «совладания с новыми окружающими средами и в использовании новых видов ресурсов заставляет в еще больших масштабах прибегать к импорту западного оборудования» [29]. Дальнейший экономический рост, по мнению западных наблюдателей, уже с середины 60-х гг. напрямую зависел от повышения технологического уровня всей экономики. Добиться этого, как считал Д. Миллер, страна могла, «либо проведя организационные преобразования, направленные на улучшение дел в сфере разработки и внедрения новшеств, либо путем закупки западной передовой технологии» [30]. Выбор состоялся — на

ресурсы Сибири обменять современную технологию. И с конца 60-х гг. этот путь стал едва ли не единственной возможностью укрепления экономики, дающей ценой возрастающей технологической зависимости.

В 50—60-е гг. угледобыча, черная металлургия, электроэнергетика, нефтедобыча и переработка — наименее наукоемкие отрасли — не зависели от западного оборудования. Постоянно от импорта зависели деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность, менялась степень зависимости в химической промышленности, машиностроении и металлообработке. За годы девятой пятилетки резко вырос импорт технологий для создаваемых на Востоке России предприятий горнодобывающей, нефтегазовой и металлообрабатывающей промышленности, а также химической и нефтехимической. В десятой пятилетке к этому списку прибавилась металлургия алюминия. По утверждению А. Уайтинга, советская способность расширять эксплуатацию ресурсов «потребуется продолжительного доступа к иностранной технологии». Реальность была такова, что требования форсированного развития экспорта привели к складыванию технологической зависимости как в приоритетных отраслях хозяйства, так и в добывающей промышленности.

Наиболее значительные и неоправданные потери страны в этой практике проявились вместе с расширением использования западной техники и технологий в разведке и разработке нефтяных и газовых месторождений и транспортировке продукции. Кстати, учитывая возрастающее значение советского экспорта нефти и газа, противники сотрудничества стремились не допустить увеличения поступления нефтедолларов, «проводить трезвую политику в области экспорта технологий для добычи нефти и газа» [31]. То обстоятельство, что не сложилось долгосрочное сотрудничество с западными фирмами, сильно снизило эффект от закупленной техники. Отсутствие ремонтной базы при односторонней ориентации на зарубежную технику привело к огромным дополнительным расходам валюты, не вполне оправданным экономически. По мнению Б. Кнаппа, советское руководство рассчитывало в короткий срок обеспечить создание новых крупных предприятий на базе современного оборудования. Относительно быстрая во времени реализация экспортной продукции давала надежду в короткое время приобрести необходимые для внутрихозяйственных нужд товары первой очереди строительную технику, комплексное оборудование, потребительские товары. Но переход Японии и других промышленных стран на рубеже 70—80-х гг. на сырьевые и трудосберегающие технологии резко снизил заинтересованность в участии в дорогостоящих сибирских проектах» [32].

Словом, в деловых кругах Запада очень быстро утвердились взгляды о «сибирской» роли зарубежных инвестиций в освоении природных богатств Азиатской России, а также существенной ограниченности возможностей государства осуществить планы собственными силами без усиления «колониальной» эксплуатации громадного региона страны. Ограниченность в средствах, по мнению западных экспертов, неизбежно заставит государство осваивать регион без учета и в ущерб региональным интересам. К. Сталл писала, что восточные регионы СССР «развиваются как сырьевые придатки для снабжения «исторического ядра» страны». Рост затрат на разработку ресурсов собственными силами никоим образом не стимулирует динамичное и сбалансированное региональное развитие.

В 60—70-е гг. концепция «колониального развития» Сибири имела на Западе широкое распространение. Как правило, возможности развития ограничивались размерами обеспечения сырьем и энергией более развитых западных районов. Д. Хузон, например, доказывал, что в очагах освоения Сибири «все ориентировано на быстрое истощение ресурсов». Джон К. Дьодни, анализируя практику освоения, пришел к выводу, что «индустрия в основных частях Сибири не вылезет за пределы добывающей стадии» и «разделение будет сохраняться на якумену, содержащую основную часть населения, и на неэякумену, поставляющую сырьевые материалы в населенную зону» [33]. В. Моут замечал, что, путешествуя по восточным районам России, трудно освободиться от мысли о неразвитости региона, «60 лет Советской власти в этом районе мало повлияли на пейзажи и ресурсы» [34]. Явное отставание в развитии региона, даже в сравнении с европейскими районами страны, вызывало недоумение за рубежом. Председатель Ассоциации японо-советской торговли Тэцуо Сато, хорошо знакомый с проблемами регионального развития, так оценивал роль Сибири и Дальнего Востока: «Это своего рода сырьевой придаток советской экономики, поставляющий золото и алмазы, нефть и газ, древесину и уголь. Что же получают взамен Сибирь и Дальний Восток? С точки зрения социально-экономических благ практически ничего. Я считаю, что это просто неразумная политика. Доходы от использования региональных ресурсов должны идти на развитие исключительно местной инфраструктуры, улучшение условий труда и отдыха людей, создание на востоке страны современных производств и предприятий» [35].

Стремление сэкономить финансовые и материальные ресурсы в процессе освоения Азиатской России на Западе объясняли отставанием в социальном развитии и действием принципа, получившего в советской литературе название «остаточность», в решении социально-бытовых проблем. По мнению Б. Кнабе, Д. Фишер, Т. Шабада и других экспертов, чтобы не идти на расходы по социальным нуждам, правительство использовало в восточных районах различные варианты организованного перемещения рабочей силы и практику комсомольско-молодежных призывов на «великие сибирские стройки». Этому в значительной степени способствовали и традиции советской истории. Разница со сталинскими методами многими западными историками видилась в том, что труд заключенных обходился минимальными экономическими затратами, стоимость транспорта и охраны исчерпывала издержки, тогда как участники освоения пользовались, наоборот, льготами и могли приобретать закупленные под кредиты на Западе товары потребления. Как в том, так и в другом случае не ставился вопрос о создании благоприятных социальных условий для привлечения и закрепления рабочей силы надолго [36]. Д. Хузон подкреплял эту позицию положением об ориентации освоения на ликвидацию постоянных поселений после выработки соответствующих месторождений сырья.

Отставание социальных аспектов программ освоения региона связано было со стремлением государства извлечь максимум выгод из введения ресурсов в хозяйственный оборот для решения проблем и нарастающих трудностей в функционировании административной экономики.

В известной степени трудности в привлечении к сибирским проектам зарубежных фирм были связаны с отсутствием полной ясности по целям освоения и

мотивам ускоренного решения проблем. Острые дискуссии в западном мире по этому вопросу разгорелись в начале 70-х гг., после замены долго обсуждавшегося с зарубежными партнерами проекта строительства нефтепровода из Тюмени в Находку на проект создания новой широтной железнодорожной магистрали. Из традиционно выделяемых трех групп мотивов освоения — народнохозяйственных, внешнеэкономических и стратегических — разные группы предпринимателей выделяли разные приоритеты. А в зарубежной историографии даже сложились системы аргументации в выделении приоритетных целей освоения с выходом на варианты политического реагирования на меры советского руководства.

Г. фон Раух, К. Либманн, А. Уайтинг на первый план выдвигали военно-политические или стратегические мотивы. Соответственно, освоение региона виделось ими как движение к достижению Советским Союзом «стратегических преимуществ в бассейне Тихого океана и в Восточной Азии». Сдвиг производительных сил на восток страны А. Уайтинг воспринимал как «перенесение силового форпоста для распространения влияния в Азии». Г. Бернхайд и Р. Фуртмайер видели в этом решение проблемы безопасности в противостоянии с Китаем. Упрочению этих взглядов способствовали зафиксированные в материалах XXI—XXIV съездов КПСС задачи улучшения перспектив развития торговых и политических отношений с социалистическими странами Азии «с учетом складывающегося международного социалистического разделения труда». Советское руководство видело в расширении контактов фактор экономической и политической независимости этих стран. Ну а в западном мире — стремление Советского Союза упрочить свои позиции в этой части мира. В отчетном докладе ЦК КПСС XXIII съезду КПСС по этому поводу содержалась четкая установка: «...Основные потребности социалистических стран во многих видах оборудования и машин, в твердом и жидком топливе, металлургическом сырье и металлах, лесных и целлюлозобумажных и некоторых других товарах будут обеспечены поставками из Советского Союза»[37]. Эта установка и использовалась в качестве основного аргумента в доказательстве стремлений СССР консолидировать силы в Азии на основе создаваемого мощного индустриального пояса Азиатской части страны.

Т. Шабад, В. Моут, Н. Кухнина, В. Конолли, А. Вайнгартнер главным мотивацией освоения выделяли улучшение возможностей экспорта сырья. Называя топливно-энергетические причины основными, они их рассматривали как желание найти дополнительные и надежные каналы получения современной технологии в обмен на сырье и энергоносители. Тем более, что «конъюнктура мирового рынка позволила опереться на благоприятные экспортные возможности и большую готовность к кооперированию бедных сырьем, но финансово сильных государств». По мнению Б. Кнабе, с этим обстоятельством связаны многочисленные предложения иностранным фирмам принять участие в освоении сибирских полезных ископаемых. И это же обстоятельство «вынуждает определенной осторожностью встречать многочисленные радостные заявления о открытии новых месторождений сырьевых ресурсов»[38].

Возможности увеличения экспорта и более тесного участия восточных районов России в международном разделении труда чаще стали рассматриваться в качестве

ведущей мотивации освоения после того, как в мире разразился энергетический кризис (1973 г.) и экспортные поставки сибирской нефти выросли в три раза, а цены на нее в 10 раз. Изменившаяся конъюнктура цен даже стимулировала сокращение экспорта готовой продукции и полуфабрикатов в пользу растущего вывоза сырой нефти. Смена стратегических ориентиров продемонстрировала западному миру зависимость советской экономики от импорта продукции по широкой товарной номенклатуре, требующей все больше валютных накоплений.

Народнохозяйственные или производственные потребности в качестве главной причины формирования темпов освоения региона называли многие. Д. Ласцельс, например, исходит из сокращения притока сырья в промышленные центры европейской части страны, вынудившее обратиться к освоению новых месторождений на востоке [39]. При этом он замечает экономически малообеспеченное сохранение основных принципов территориального размещения промышленности. Вместо того, чтобы приближать производство к источникам сырья, ведомства старались разместить его в обжитых районах, чтобы не нести затраты на создание социальной и производственной инфраструктуры.

Выяснение мотивов освоения регионов преследовало одну цель: ответить на вопрос, к каким последствиям может привести содействие западных фирм реализации сибирских программ. Ведь практически в течение всего периода на Западе не прекращались споры: в каких пределах возможны поставки современной технологии в СССР и насколько эти поставки подрывают безопасность западного мира?

Пристальное внимание зарубежных наблюдателей приковывала к себе и практика освоения, воздействие гигантского государственного строительства на окружающую среду. В современном мире природоохранные мероприятия становятся спутниками промышленного развития, особенно в странах, где интенсивно разрабатываются месторождения минерально-сырьевых ресурсов.

В отношении программ освоения восточных районов чаще всего имеет место констатация отсутствия системы мер экологической защиты. В. Моут писал, что это направление началось и кончилось в период между осенью 1917 г. и весной 1919 г., когда были проведены законы против злоупотреблений в отношении использования земли, природы и сохранения лесов. В течение «последующих 35 лет практически не действовали ограничения, а законов, направленных на охрану среды, было принято меньше, чем в первые два года Советской власти» [40]. По мнению зарубежных исследователей, сталинский Великий план преобразования природы и хрущевский «рывок к коммунизму» были равнозначны объявлению войны окружающей среде.

«Вряд ли возможно перевести на язык цифр экологические последствия от неумеренного вывоза природных ресурсов, — писал советский публицист В. Натасонов, — На одном Ямале, где ведется разработка газовых месторождений экспортного назначения, на сегодняшний день уничтожено шесть миллионов гектаров оленьих пастбищ. По подсчетам специалистов величина ущерба природе составляет 60 млрд рублей (что примерно равняется стоимости всего советского экспорта за год)» [41]. Не менее удручающее положение сложилось в сфере экспортных лесопоставок, угледобычи, нефте- и коксохимии, целлюлозно-бумажной промышленности.

В. Моут, анализируя последствия вмешательств в природу в процессе воения региона, приходит к выводу, что это было «логичное отношение людей развивающейся страны, стремящихся обеспечить эксплуатацию ресурсов наиболее быстрой, насколько возможно, манере». Все капиталовложения шли в производственный сектор, а решение проблем сознательного обеспечения защиты окружающей среды игнорировались в погоне за достижением быстрого эффекта. Впрочем, развивающиеся страны значительно больше внимания уделяют проблеме экологической безопасности. Кстати, символические природоохранные издержки в Сибири в отдельных случаях были решительным толчком к участию западных фирм в проектах освоения, что вкупе с дешевым сырьем значительно увеличивало выгоды инвестиций. Достаточно проследить за процессом смещения химических производств, сокращающихся на Западе под давлением общественности. В России же в течение 70-80-х годов создавались гиганты на компенсационной основе, и экспорт химических продуктов и фабрикатов в западные страны неуклонно возрастал и возрастает ныне на широком спектре товарных позиций: полипропилен, полиэтилен, метанол и др. В погоне за валютной выручкой ведомства обсуждают возможность захоронения на востоке страны остатков ядерного топлива с атомных электростанций Западной Европы. Проблемы сохранения окружающей среды в Азиатской России выдвигаются в ряд первоочередных, требующих незамедлительного решения.

Зарубежные эксперты в рассмотрении перспектив освоения Азиатской России часто прибегают к сравнениям с опытом развивающихся стран, вывоз сырья из которых не решил экономических проблем, но привел к росту финансовой и технологической зависимости. Долг стран третьего мира достиг суммы в 1,3 трлн долларов.

Политику ограничений в сфере экономических отношений Восток—Запад поэтому поддерживают в современных условиях не только в консервативных кругах Запада. В апреле 1999 г. был обнародован доклад трехсторонней комиссии бывшего японского премьер-министра Я. Накасонэ, бывшего президента Франции В.Ж. д'Эстена и бывшего госсекретаря США Г. Киссинджера, в котором говорится: «Развитые страны должны действовать осмотрительно, западная система обычно нескоординированных кредитов имеет с собой породить условия для еще одного долгового кризиса в Восточной Европе».

Итак, западные оценки внешнеэкономической составляющей освоения Азиатской России дают весьма нелицеприятную критику практики вовлечения в хозяйственный оборот сырьевых ресурсов региона. Принцип добывания валюты «любой ценой» имел своим результатом очень серьезные структурные деформации регионального хозяйства, политические, нравственные и экологические негативные следствия. Для продолжающихся процессов освоения сегодня актуально использование мирового опыта, настоятельно рекомендуемого остановить и сдерживать экономически обоснованным вывоз природных ресурсов в необработанном виде, особенно относящихся к числу невозобновляемых. Растущее народнохозяйственное значение региона требует более высокой степени координации между различными отраслями промышленности, решения организационных проблем повышения эффективности и заинтересованности региональных управленческих структур. Без переноса центра координации в органы местной власти, видимо, невозможно добиться разумной эксплуатации природных богатств.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: Алексеев В.В. Проблемы индустриального освоения Севера Сибири и Дальнего Востока в современной буржуазной историографии // Опыт некапиталистического пути развития малых народов Дальнего Востока СССР. Владивосток, 1981. С. 62—71; Алексеев В.В., Зубков К.И. Критика современной буржуазной историографии индустриального освоения Сибири. Новосибирск, 1985; Они же. Современная буржуазная историография индустриального освоения Сибири // Изв. СО АН СССР. 1980. № 11. Сер. общ. наук. Вып. 3. С. 8—13; Они же. Проблемы индустриального освоения Сибири в современной буржуазной историографии // История СССР. 1984. № 2. С. 186—198; Зубков К.И. К методологии изучения индустриального освоения Сибири в советскую эпоху (Критика немарксистских концепций) // Методологические проблемы изучения истории Сибири. Новосибирск, 1988. С. 3—14; Он же. Современная буржуазная историография индустриального развития Сибири. 1950—1980 гг. Новосибирск, 1990; Тимошенко В.П. БАМ и проблемы хозяйственного освоения прилегающей зоны // Исторический опыт освоения Сибири. Новосибирск, 1986. С. 135—140; Он же. Сибирь и мировой рынок (резонанс освоения). Екатеринбург, 1996.
2. См.: Gramatzki H. Raumlische Aspekte der sowyetischen Wirtschaftsplanung. Berlin, 1974. S. 122.
3. New Zuricher Zeitung. 1966. № 43; Hohman H.-H. Von Breschnew zu Andropow. Bilanz und Perspektiven der sowyetischen Wirtschaftspolitik. Kohn, 1983. S. 2; Wagener H. Wirtschaftswachstum in unterentwickelten Gebieten. Berlin, 1972. S. 145; Gramatzki H. Industrialisierung und Kapitalbildung im sibirischen Entwicklungsprozess // Sibirien: Ein russisches und sowyetisches Entwicklungsproblem. Berlin, 1986. S. 160.
4. Portisch H. So sah ich Sibirien. Wien, 1967. S. 21.
5. Gramatzki H. Raumlische Aspekte... S. 48; Karger A. Liebman C. Sibirien: Strukturen und Funktionen ressourcenorientierten Industrieentwicklung. Kohn, 1986. S. 13.
6. Meyer F. dSSR. Geschichte einer Weltmacht. Hamburg, 1986. S. 121.
7. Gramatzki H. Raumlische Aspekte... S. 48.
8. Karger A. Bratsk als Modelle fur die moderne Erschliessung Sibiriens // Geographische Rundschau. 1966. № 8. S. 289.
9. Колосовский Н. Будущее Урало-Кузнецкого комбината. М.; Л., 1932. С. 34.
10. Wain N. Die Sowyetunion. Munchen, 1983. S. 225.
11. Clement H. Sibirien Reserve oder Burde? // Sowyetunion 1984/85. Ereignisse Probleme Perspektiven. Munchen—Wien, 1985. S. 194.
12. Karger A. Bratsk als Modelle... S. 290.
13. Gramatzki H. Raumlische Aspekte... S. 383; Gramatzki H. Industrialisierung... S. 155.
14. Schiller U. Zwischen Moskau und Yakutsk. Die Sowyetunion im Wettlauf gegen Zeit. Hamburg, 1970. S. 32.
15. Gumpel W. Energiepolitik in der Sowyetunion. Kohn, 1972. S. 243—251.
16. Bethkenhagen I. Clement H. Die Sowyetische Energie- und Rohstoffwirtschaft in den 80-er Jahren. Munchen—Wien, 1985. S. 41.
17. Wain N. Die aktuellen Strategien der Sibirien-Erschliessung // Die Erde. 1988. № 3. S. 161.
18. Geographische Rundschau. 1988. № 9. S. 6.
19. Spiess K. Peripheri Sowjetwirtschaft. Das Beispiel Russisch Fernost Zurich-Freiburg, 1980. S. 158.
20. Цит. по: Внешняя торговля. 1961. № 3. С. 4.
21. Bethkenhagen Y., Machowski H. Die Rolle Asiens in dersowjetischen Aussenwirtschaftspolitik // Berichte des Bundesinstituts fur ostwissenschaftliche und internationale Studien. Kohn, 1986. № 48. S. 25—31.

22. Цит. по: Внешняя торговля. 1960. № 1. С. 22.
23. Цит. по: Там же. 1962. № 10. Приложение. С. 7.
24. Osteuropa-Wirtschafts. 1966. № 4. S. 298; 1967. № 1. S. 71.
25. Weltwoche. 1978. № 34. S. 11.
26. Conolly V. *Siberia today and tomorrow. A study of economic problems and achievements.* New York, 1975. P. 55—56.
27. Times. 1978. V. 3. № 12. P. 14.
28. Hanson Ph. *Technology transfer to the Soviet Union // Survey. 1977—1978. V. 23. P. 84, 87.*
29. Цит. по: Алексеев В.В., Зубков К.И. *Критика современной буржуазной историографии...* С. 56.
30. Miller M. *The role of Western technology in Soviet strategy.* Philadelphia, 1978. V. 22. № 3. P. 542.
31. Whiting A.S. *Siberian Development and East Asia Therest or Promise? Stanford* 1981. P. 87.
32. Knabe B. *Artivitat im Gebiet der Baikalsee-Amur-Eissenbahn // Berichte... 1977. № 17—19. S. 12.*
33. Цит. по: Алексеев В.В., Зубков К.И. *Указ. соч.* С. 47—48.
34. Mote V. *Pacifik-Siberian Growth Centers. A New Soviet Commitment // Soviet Union. 1977. V. 4. Part 2. P. 256, 270.*
35. *За рубежом.* 1989. № 41. С. 9.
36. Spiegel. 1981. № 46. S. 180.
37. XXIII съезд Коммунистической партии Советского Союза. *Стенографический отчет.* М., 1966. Т. 2. С. 58.
38. Knabe B. *Op. cit.* S. 2, 14.
39. Lascelles D *Siberia: Its wealth and world impact // Asian Affairs. 1975. V. 4. P. 2. P. 190—195.*
40. Mote V. *Environmental Constraints to the Economic Development of Siberia, Soviet Natural resources in the world Economy.* Chicago-London, 1983. P. 52.
41. *Наш современник.* 1989. № 11. С. 3—4.

SOVIET EXPERIENCE OF THE ASIAN RUSSIA DEVELOPMENT VIEWED FROM THE WEST

Foreign studies into the issues of the eastern regions of Russia development in the Soviet period are reviewed in the article. Historiographic assessment of stage character, rates, models and motivation of development are discussed.

V.P. Timoshenko